

Ольга Сергеевна Гузеева

кандидат юридических наук

ORCID: 0000-0002-6810-395X, Olga3520@list.ru

Арбитражный суд Московской области

Российская Федерация, 107078, Москва, ул. Академика Сахарова, д. 18

Конституционные начала соразмерности и пропорциональности уголовного наказания

Аннотация: В деле конкретизации конституционных начал уголовно-правового регулирования большое значение приобретает задача построения адекватной конституционным началам системы уголовных наказаний и правил их назначения. В своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал ряд правовых позиций, которые, с одной стороны, подтверждают уже существующие уголовно-правовые решения, а с другой – выступают принципиальным ориентиром для всех последующих решений, служат критерием для проверки конституционности уголовно-правовых предписаний. В статье на основе обобщения и анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации представлены основные требования, соблюдение которых призвано обеспечить соразмерность и пропорциональность уголовного наказания как средства ограничения прав лица, совершившего преступление. В ряду таких требований приоритетное значение имеют: запрет жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов наказаний; ограничение карательного воздействия на лицо, совершившее преступление, исключительно рамками уголовной ответственности; дифференциация уголовного наказания и правил его назначения при соблюдении принципа правового равенства; пропорциональность и соразмерность установленного законом и назначенного судом наказания основаниям применения мер уголовной ответственности; потенциальная и реальная способность наказания обеспечить достижение целей уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: конституционализация уголовного права, уголовное наказание, принцип справедливости, принцип пропорциональности, дифференциация ответственности, соразмерность наказания

Для цитирования: Гузеева О. С. Конституционные начала соразмерности и пропорциональности уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 73–81; doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-73-81.

Olga S. Guzeeva

Cand. Sci. (Jurid.)

ORCID: 0000-0002-6810-395X, Olga3520@list.ru

Arbitration Court of the Moscow Region

18, Akademika Sakharova str., Moscow, 107078, Russian Federation

Constitutional basis of commensuration and proportionality of criminal punishment

Abstract: In the matter of concretizing the constitutional basis of criminal law regulation, the task of building a system of criminal punishments and the rules for their appointment that is adequate to the constitutional basis is of great importance. In its decisions, the Constitutional Court of the Russian Federation formulated a number of legal positions, which, on the one hand, confirm the already existing criminal law decisions, and on the other hand, act as a fundamental guidance for all subsequent decisions, serve as a criterion for checking the constitutionality of criminal law regulations. Based on the generalization and analysis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the article presents the main requirements, the observance of which is intended to ensure the commensuration and proportionality of criminal punishment as a means of limiting the rights of a person who has committed a crime. Among these requirements, priority is given to: the prohibition of cruel, inhuman and degrading forms of punishment; limiting the punitive treatment on the person who committed the crime, exclusively within the framework

of criminal responsibility; differentiation of criminal punishment and the rules for its appointment while observing the principle of legal equality; commensuration and proportionality of the punishment established by law and imposed by the court on the grounds for the application of measures of criminal responsibility; potential and real ability of punishment to ensure the achievement of the goals of criminal law impact.

Keywords: constitutionalization of criminal law, criminal punishment, the principle of justice, the principle of proportionality, differentiation of responsibility, commensuration of punishment

For citation: Guzeeva O. S. Constitutional basis of commensuration and proportionality of criminal punishment // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 3 (91). – P. 73–81; doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-73-81.

Введение

Конституционным условием, соблюдение которого призвано обеспечивать соразмерность и пропорциональность применяемых в отношении преступника мер уголовно-правового воздействия, является надлежащая дифференциация уголовной ответственности. Оставляя за рамками рассуждений проблемы, относящиеся к дифференциации оснований и видов ответственности, обратимся к вопросам дифференциации принимаемых государством мер, направленных на борьбу с преступлениями.

Такая дифференциация является многоступенчатой правовой программой, охватывающей решения на законодательском (собственно «дифференциация») и правоприменительном (в традиционном изложении – «индивидуализация») уровнях. Законодатель: (а) конструирует различные виды наказаний с различным объёмом и видом правоограничений; (б) конструирует различающиеся между собой и альтернативные санкции; (в) определяет критерии, позволяющие суду индивидуализировать уголовное наказание. Правоприменитель на основе воплощённых в законе решений, руководствуясь требованиями принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ), применяет наказание или иные меры уголовно-правового характера, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а равно иные, имеющие отношение к конкретному делу и предусмотренные законом, обстоятельства.

Эта правовая программа предписывается и содержательно предопределяется универсальными конституционными требованиями справедливости и гуманизма. При этом очевиден и не требует специальных доказательств тезис о том, что именно от качества законодательных решений в области дифференциации ответственности напрямую зависит деятельность суда по её индивидуализации [1, с. 11–12; 2, с. 65]. В связи с этим вопросы конституционной обусловленности нормативной дифференциации ответственности должны выдвигаться на передний план в исследованиях проблем справедливости уголовного права.

Основная часть

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по поводу конституционных обязательств законодателя [3; 4], в том числе в части дифференциации уголовной ответственности. Его правовые позиции состоят в следующем:

– разрешение вопроса о размере санкций за предусмотренные УК РФ преступления является исключительной прерогативой федерального законодателя¹. Однако, пользуясь ею, он должен обеспечить соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств. Инструментом для решения этой непростой задачи выступает дифференциация уголовно-правовых последствий совершения преступления в зависимости от общественной опасности содеянного²;

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куликова Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 998-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукашова Дениса Игоревича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131, статьями 132 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также Административным регламентом исполнения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной функции по осуществлению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию : Определение Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2016 г. № 2550-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мизяева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6 и частью третьей статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 1540-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и частью второй статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации. Город Санкт-Петербург, 17 июля 2018 года:

– дифференциация ответственности не может ограничиваться исключительно критерием опасности преступления. Конституционным началам справедливости и гуманизма в принципе противоречит законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учёта личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное значение, а равно применение одинаковых мер ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без учёта фактора интенсивности участия конкретного лица в преступлении, его поведения после совершения преступления и после отбытия наказания и иных характеризующих личность обстоятельств³;

– конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причинённого ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения⁴;

– дифференциация ответственности должна быть социально обусловленной и исторически изменчивой. В случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры ответственности перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства и справедливости и обеспечивая баланс конституционно значимых целей и ценностей⁵.

Определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 1995-О; Определение № 393-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью пятой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации.

³ По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2002 г. № 3-П.

⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 805-О.

Дифференциация уголовной ответственности и уголовного наказания, предполагающая градацию их объёмов по отношению к лицам, совершившим преступления, по определению вторгается в область правового регулирования, заданную принципом юридического равенства. Конституционный Суд РФ подчёркивал: «Любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции РФ, вытекающим из универсального принципа юридического равенства, в силу которого такие различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства»⁶.

Натяжение между равенством и дифференциацией создаёт весьма обширное правовое поле, в пространстве которого расположен ряд значимых проблем, уже привлекавших внимание Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Так, в практике Конституционного Суда РФ была предпринята попытка оспорить положения ст. 53 и 53¹ УК РФ, поскольку они не применяются к военнослужащим и тем самым ограничивают выбор наказаний в санкции, ставя осуждённых военнослужащих в дискриминационное положение по сравнению с иными гражданами. Суд тогда указал: поскольку оспариваемые законоположения направлены на реализацию принципов законности, вины, справедливости и гуманизма, являются частью механизма достижения целей наказания и тем самым позволяют обеспечить дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию средств уголовно-правового воздействия на лицо, виновное в совершении преступления, постольку эти нормы сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие права и свободы человека⁷.

Однако наиболее ярким и содержательным в аспекте обеспечения баланса между требованиями дифференциации и равенства стало обсуждение проблемы неприменения к отдельным категориям граждан наказания в виде пожизненного лишения свободы. В силу положений ч. 2 ст. 57 УК РФ этот вид наказания не может назначаться несовершеннолетним, женщинам, а также мужчинам, достигшим 65-летнего возраста.

⁶ По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2017 г. № 15-П.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ткаченко Павла Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 53 и частью седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 862-О.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно признавал неприемлемыми жалобы граждан на предполагаемое нарушение принципа равенства положениями ч. 2 ст. 57 УК РФ, указывая, что соответствующее законодательное решение, обеспечивающее дифференциацию уголовной ответственности, не может рассматриваться как несовместимое с конституционными принципами и нормами и нарушающее гарантируемые Конституцией РФ права и свободы граждан. Запрет назначать пожизненное лишение свободы перечисленным ч. 2 ст. 57 УК РФ категориям лиц, по мнению Суда, основывается на вытекающей из принципов справедливости и гуманизма необходимости учёта в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей различных категорий лиц в целях обеспечения более полного и эффективного решения задач, которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве⁸.

Такое толкование распространялось им и на положения ч. 2 ст. 59 УК РФ, устанавливающие запрет на применение смертной казни к отдельным категориям осуждённых, поскольку такой запрет обусловлен необходимостью учёта в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей таких лиц в целях более полного и эффективного решения за-

дач, которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве⁹.

Эта позиция Конституционного Суда РФ была тщательно проанализирована и поддержана Европейским Судом по правам человека¹⁰, который прежде всего указал, что различие в обращении с отдельными категориями осуждённых является дискриминационным, если оно не имеет объективного и разумного оправдания, иными словами, если это обращение не преследует законную цель или если отсутствует разумное отношение пропорциональности между применяемыми средствами и целью, которую требуется достичь. Далее последовательно Суд рассмотрел вопросы «объективности и разумности» изъятия несовершеннолетних, лиц старше 65 лет и женщин из сферы действия положений закона о пожизненном лишении свободы и пришёл к следующим выводам:

- нормативное освобождение несовершеннолетних от пожизненного лишения свободы является обычным для правовых систем всех государств-участников Конвенции 1950 года без исключения, а его цель заключается в облегчении реабилитации несовершеннолетних преступников;

- пожизненное лишение свободы совместимо с предписаниями Европейской Конвенции, только если имеются перспектива освобождения и возможность пересмотра приговора, а потому смягчаемость пожизненного лишения свободы имеет существенное значение для пожилых преступников, чтобы эти перспективы не стали простой иллюзией возможности;

- существует публичный интерес в освобождении женщин-преступниц от пожизненного лишения свободы в порядке общего правила.

Таким образом, Европейский Суд констатировал: представляется затруднительным критиковать законодателя РФ за установление способом, отражающим развитие общества в этой сфере, освобождения определённых групп преступников от пожизненного лишения свободы. Данное освобождение представляет, судя по всему, социальный прогресс в пенитенциарных вопросах и не нарушает применимое международное право.

⁸ По жалобе гражданина Герасимова Андрея Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статьями 57 и 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1998 года о его помиловании : Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 466-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голотина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 321-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горлова Игоря Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьёй 57 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также его ходатайства о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П : Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 638-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Купцова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьёй 57 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2009 г. № 898-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плюхи Альберта Олеговича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2010 г. № 1382-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебецкого Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 1925-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цурова Адама Муссаевича на нарушение его конституционных прав статьёй 57 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1428-О.

⁹ По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь : Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П; По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова : Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П.

¹⁰ Дело Аслан Хамтоху и Артем Аксенчик [Aslan Khamtokhu and Artyom Aksenchik] против Российской Федерации: Решение Европейского Суда по правам человека от 13.05.2014 (жалобы № 60367/08 и 961/11); Дело Хамтоху и Аксенчик [Aslan Khamtokhu and Artyom Aksenchik] против Российской Федерации: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 января 2017 г. (жалобы № 60367/08 и 961/11).

Стоит отметить, что в уголовно-правовой литературе и до, и после соответствующих решений национального и международного суда высказываются суждения о необходимости распространения положений о пожизненном лишении свободы и смертной казни на женщин в возрасте 18–65 лет [5; 6]. Формулируются и иные оригинальные суждения: от нормативного ограничения максимально возможного срока наказания в виде лишения свободы для женщин 15 годами [7, с. 42] до распространения на мужчин, имеющих детей, ограничительных предписаний ст. 49, 50, 53 УК РФ [8, с. 8]. Не имея возможности детально исследовать эти вопросы, отметим, что основной аргумент в авторских рекомендациях сводится к изолированному толкованию либо принципа гуманизма, либо принципа равенства. Такой подход заведомо не отвечает конституционным требованиям. Дифференциация ответственности основывается на одновременном соблюдении этих принципов на основе баланса между ними. В этом её принципиальное отличие, в частности, от индивидуализации наказания, в рамках которой суд не лишён возможности аргументировать различия в наказании преступников приоритетным действием какого-либо одного принципа, например, гуманизма (что объясняет традиционно более мягкое уголовное наказание, применяемое в отношении женщин, по сравнению с наказанием мужчин) или справедливости (что детерминирует, например, более суровые наказания, применяемые в отношении лиц, имеющих устойчивую антиобщественную направленность в поведении).

Нормативная дифференциация ответственности подчинена цели и вместе с тем создаёт необходимые условия для обеспечения соразмерности уголовного наказания совершенному преступлению. Эта соразмерность, как и любой аспект, относящийся к наказанию, должна проявляться на уровне закона и на уровне правоприменения. При этом очевидно, что практика индивидуализации наказания в аспекте соразмерности и пропорциональности назначенной судом меры ответственности конкретному лицу за конкретное преступление сама по себе не подлежит конституционному контролю. Это обстоятельство отмечено в упомянутом постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Хамтоху и Аксенчик против Российской Федерации»: вопросы целесообразности применения наказаний в принципе не относятся к сфере действия Конвенции 1950 года, а в задачу Европейского Суда не входит определение того, какой срок лишения свободы применим за конкретное преступление. На этой же позиции обоснованно стоит и Конституционный Суд РФ, отмечая в своих многочисленных определениях, что вопросы проверки правоприменительных решений с точки зрения обоснованности назначенных судом мер воздействия в отношении преступников не входят в пределы его компетенции.

Другое дело – практика определения возможных уголовных наказаний за преступление на уровне закона. Здесь складывается весьма непростая ситуация. С одной стороны, и это уже отмечалось, Конституционный Суд РФ признаёт, что вопросы конструирования санкций за то или иное преступление относятся к исключительной компетенции федерального законодателя, который обладает весьма широкой свободой усмотрения в определении того, какое именно наказание в наилучшей степени обеспечит предупреждение таких преступлений и исправление виновных лиц. С другой стороны, конституционное требование «необходимости» и «пропорциональности» любых правоограничений позволяет Конституционному Суду разрабатывать критерии соразмерности уголовных наказаний в качестве обращённых к законодателю конституционных требований уголовно-правового регулирования, на этой основе решать вопросы о том, насколько та или иная санкция этим требованиям соответствует.

В конституционно-правовых исследованиях соблюдение принципа соразмерности правоограничений связывается с проверкой следующих требований: 1) пригодность правового ограничения (связана с проверкой принципиальной возможности достижения желаемой цели посредством применения конкретного правового ограничения прав и свобод); 2) минимальность правового ограничения (связана с наличием альтернативных средств, которые менее обременительны для ограничиваемых конституционных прав и свобод человека и гражданина); 3) сбалансированность правового ограничения (связана с противопоставлением индивидуальных ценностей ценностям публичным по их важности и значению) [9, с. 9].

В своих решениях Конституционный Суд РФ сформулировал несколько важных правовых позиций на этот счёт:

– недопустимо избыточное государственное принуждение, неадекватное тому вреду, который причинён в результате правонарушения, и нарушающее баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств¹¹;

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 805-О; По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян : Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова: Постановление Конститу-

– характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться, исходя не только из их обусловленности целям защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинён в результате преступных деяний¹²;

– требование адекватности последствий не исключает учёта при их конструировании конституционно оправданной целесообразности и учёта фактического состояния общественных отношений в конкретно-исторических условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан¹³.

Эти правовые позиции Конституционного Суда РФ конкретизируют в сфере уголовного права общие конституционные требования и в этом смысле компенсируют отсутствие в Конституции РФ прямых указаний по рассматриваемому поводу. В этом отношении интересно отметить, что в конституционных актах некоторых зарубежных стран требование соразмерности и пропорциональности выражено непосредственно. Так, принятый парламентом Англии в 1689 году Билль о правах предписывает: «Не допускается требование чрезмерных залогов, ни наложение чрезмерных штрафов или жестоких и необычайных наказаний». Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года в ст. 8 провозгласила: «Закон должен устанавливать лишь строго и бесспорно необходимые наказания». В ч. 3 ст. 12 Конституции Кипра закреплено: «Закон не может предусматривать наказание, не соответствующее тяжести преступления». В Конституции Португалии отдельная статья (ст. 30) именуется «Пределы наказаний и мер пресечения». В ней установлено: «1. Запрещены наказания и меры пресечения, лишаящие свободы или ограничивающие её, если они носят постоянный характер либо установлены

на неограниченный или неопределённый срок. 2. Наказание осуществляется в строго индивидуальном порядке. 3. Никакое наказание не может иметь в качестве обязательного последствия утрату каких-либо гражданских, профессиональных или политических прав. 4. Осуждённые, которым назначено наказание или мера пресечения, в результате чего они лишены свободы, сохраняют основные права, хотя и с ограничениями, вытекающими из смысла приговора и из требований, связанных с его исполнением».

Но даже эти, более конкретизированные по сравнению с российской Конституцией, а потому и более привлекательные положения, касающиеся соразмерности наказания, также нуждаются в истолковании и переводе на прикладной уровень уголовно-правовых рекомендаций. Это крайне сложная задача, а по мнению некоторых авторитетных специалистов, и вовсе неразрешимая. Так, в своём Особом мнении по одному из постановлений Конституционного Суда РФ судья К. В. Арановский признал: «Что касается несоразмерности наказания мере общественной опасности деяния, то саму эту меру в конституционном правосудии нельзя уверенно и общим образом определить. Для этого нет метрической шкалы, условных единиц криминальной опасности. ... Общую, нормативно выраженную соразмерность или несоразмерность наказания преступлению можно предполагать, но вряд ли – доказать с проверяемой точностью. А это значит, что судебное исследование в этой части можно завершить не более чем советом заново обдумать и обсудить уголовный закон в законодательной процедуре»¹⁴.

Тем не менее в отдельных случаях Конституционный Суд РФ брал на себя ответственность в обосновании несоразмерности предусмотренных законом наказаний характеру и степени общественной опасности правонарушений.

Так, Конституционный Суд РФ признал положение ч. 3 ст. 18.8 КоАП РФ, предусматривающее обязательное применение к иностранным гражданам и лицам без гражданства, нарушившим миграционные правила, установленные в п. 6 ст. 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», такого наказания, как выдворение за пределы РФ, не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой закон не допускает возможности отказа от назначения административного наказания даже в том случае, когда суд придёт к выводу, что административное

ционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 15-П; По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П; По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П.

¹² По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В. Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова : Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2009 г. № 19-П.

¹³ По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.

¹⁴ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановского по Постановлению Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

выдворение за пределы РФ, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в РФ, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания¹⁵.

В другой ситуации Конституционный Суд РФ признал несоответствующими Конституции РФ положения ч. 1 ст. 19.34 КоАП в той части, в которой ею устанавливается нижняя граница административного штрафа для должностных лиц в сумме ста тысяч рублей, а для юридических лиц – в сумме трёхсот тысяч рублей, при том, что применение штрафа предусматривается на безальтернативной основе. Суд признал, что недостатки данной нормы не были бы сопряжены с риском неконституционных издержек, если бы закрепление высоких минимальных размеров административных штрафов компенсировалось иными правовыми средствами, например, установлением более мягких альтернативных административных наказаний, возможностью назначения административного наказания ниже низшего предела, освобождением от административной ответственности или от административного наказания. Поскольку подобные возможности КоАП РФ не предусмотрены, правоприменитель по факту лишается возможности индивидуализации мер воздействия, а административные штрафы, имеющие значительные размеры, превращаются, по сути, из меры воздействия, направленной на предупреждение административных правонарушений, в инструмент чрезмерного ограничения права собственности физических и юридических лиц, что несовместимо с конституционной природой административного принуждения в правовом государстве¹⁶.

И хотя цитированные решения относятся к административно-деликтному праву, они (с учётом известной общности подходов к административно-деликтному и уголовно-правовому регулированию в рамках концепции «уголовно-правовой сферы» [10; 11]) в полной

мере сохраняют своё значение и для иных норм, предусматривающих публично-правовую ответственность, в том числе уголовно-правовых. При этом заметим, что вопрос о чрезмерности наказания, установленного в санкции соответствующих статей КоАП РФ, обсуждался Конституционным Судом РФ не на основе изолированной оценки санкции и соответствия наказания правонарушению и личности виновного. Он обсуждался сквозь призму предусмотренных в законе правил назначения наказания и специфики юридико-технического строения санкции. Положения КоАП РФ были признаны несоразмерными целям административной ответственности и конституционным гарантиям прав граждан не потому, что предусматривали наказания в виде административного выдворения или высокий размер административного штрафа. Сам по себе этот параметр санкции Конституционным Судом даже не обсуждался. Но тот факт, что одно наказание устанавливалось в законе в качестве безусловно обязательного, а при назначении другого суд был лишён возможности выйти за нижнюю границу наказания, вызвало неодобрение со стороны органа конституционной юстиции. Надо сказать, что с этой точки зрения положения собственно уголовного закона защищены от критики, так как даже в тех случаях, когда санкция Особенной части УК РФ предусматривает обязательное назначение дополнительного наказания, даже если с учётом установленных в Общей части ограничений относительно отдельных видов наказаний санкция, которая должна быть применена к подсудимому, превращается фактически в безальтернативную, у суда в уголовном судопроизводстве всегда есть значимый резерв в виде положений ст. 64 УК РФ, позволяющий обеспечить надлежащий уровень индивидуализации наказания, соразмерного конкретной правоприменительной ситуации.

Однако это вовсе не исключает того, что санкция уголовного закона не может быть оспорена с точки зрения её соразмерности общественной опасности преступления. В практике Конституционного Суда РФ имели место два знаковых решения на этот счёт.

Первое связано с проверкой конституционности положений ст. 212¹ УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», санкция которой среди прочих наказаний предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет. Конституционный Суд РФ признал, что при наличии альтернативных видов наказания и предусмотренных УК РФ правил индивидуализации наказания, включение в санкцию статьи 212¹ УК РФ лишения свободы нельзя рассматривать как не согласующееся с требованиями

¹⁵ По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2016 г. № 5-П.

¹⁶ По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева : Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П.

дифференциации уголовной ответственности. Вместе с тем Суд, как представляется, пошёл на беспрецедентный шаг и провёл сравнение диспозиции ст. 212¹ УК РФ с иными нормами, устанавливающими ответственность за преступления средней тяжести, и сравнение санкции ст. 212¹ УК РФ с санкциями иных норм, устанавливающих ответственность за деяния с административной преюдицией. На основе этого сравнения, подчеркнём, без конституционной дисквалификации ст. 212¹ УК РФ, сформулировал фактически особые правила назначения лишения свободы по данной статье закона:

– решая вопрос об уголовном наказании лица, совершившего преступление, предусмотренное статьёй 212¹ УК РФ, суды обязаны основываться исключительно на оценке общественной опасности и противоправности соответствующего деяния, которая не может быть поставлена в зависимость от отношения этого лица – негативного (критического) или позитивного (одобрительного) – к принимаемым органами публичной власти решениям и проводимой ими политике;

– избрание вида уголовного наказания и определение его размера должны быть обусловлены реальной степенью общественной опасности совершённого деяния, что не подразумевает применение лишения свободы в случаях, когда нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия не было сопряжено с утратой им мирного характера, или с причинением либо реальной угрозой причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям.

Иное решение вопроса о назначении лишения свободы за преступление, предусмотренное ст. 212 УК РФ, означало бы, по мнению Конституционного Суда РФ, несоблюдение вытекающих из ч. 1, ч. 2 ст. 19 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ требований необходимости, соразмерности и справедливости, предъявляемых к ограничению прав и свобод человека и гражданина и обращённых, согласно ст. 18 Конституции РФ, не только к федеральному законодателю, но и ко всем правоприменителям, в том числе к судам¹⁷.

Второе дело, в котором обсуждался вопрос об адекватности санкции общественной опасности преступления, касалось ст. 159⁴ УК РФ, устанавливавшей за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности более мягкое наказание, нежели за «обычное» мошенни-

чество. Суд констатировал: положения ст. 159⁴ УК РФ не соответствуют Конституции РФ в той мере, в какой они устанавливают за предусмотренное данной статьёй преступление, если оно совершено в особо крупном размере, наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, что в системе уголовно-правовых норм позволяет отнести данное преступление к категории преступлений средней тяжести, в то время как за совершённое также в особо крупном размере такое же деяние, ответственность за которое без определения его специфики по субъекту и способу совершения предусмотрена общей нормой ст. 159 УК РФ, установлено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет, предусмотренное для преступлений, относящихся к категории тяжких, притом что применительно к наступлению уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ особо крупным размером похищенного признаётся существенно меньший, нежели по ст. 159⁴ данного Кодекса¹⁸.

Представляется важным подчеркнуть, что в отличие от постановления, посвящённого ст. 212¹ УК РФ, где со ссылками на ст. 19 и ст. 55 Конституции РФ, санкция была оправдана, в постановлении, посвящённом ст. 159⁴ УК РФ, Конституционный Суд РФ дисквалифицировал обжалуемую норму дополнительно ссылками на ч. 1 ст. 46 Конституции, гарантирующей каждому право на судебную защиту.

Заключение

Подводя итог исследованию вопроса о соразмерности уголовного наказания в аспекте предъявляемых к нему конституционных требований, можно констатировать, что обладая весьма широким полем усмотрения в обеспечении соразмерности и пропорциональности наказания, государство, тем не менее, связано рядом принципов и обязательств, соблюдение которых обеспечивает формальную и содержательную легитимность применяемых им мер уголовно-правового характера. Среди них важное место занимают: запрет жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов наказаний; ограничение карательного воздействия на лицо, совершившее преступление, исключительно рамками уголовной ответственности; дифференциация уголовного наказания и правил его назначения; пропорциональность установленного и назначенного наказания основаниям применения мер уголовной ответственности и его способность обеспечить достижение целей уголовно-правового воздействия.

¹⁷ По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П.

¹⁸ По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.

Список литературы

1. *Кругликов Л. Л.* Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 8–13.
2. *Рогова Е. В.* Конституционные принципы дифференциации уголовной ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 6 (68). – С. 62–67.
3. *Елинский А. В.* Проблемы уголовного права в конституционном измерении. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 496 с.
4. *Гузеева О. С.* Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 272 с.
5. *Дибиров М. Г.* Привилегии в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дибиров Магомедрасул Галбацдибинович. – Саратов, 2015. – 26 с.
6. *Асланян С. Г.* Обеспечение гендерного равенства посредством уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Асланян Сурен Георгиевич. – Краснодар, 2019. – 27 с.
7. *Тащилин М. Т.* Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Тащилин Михаил Тихонович. – Краснодар, 2003. – 54 с.
8. *Андриенко В. А.* Равенство граждан по признаку пола в уголовном праве и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Андриенко Владимир Александрович. – Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.
9. *Переверзев А. А.* Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Переверзев Андрей Александрович. – Ставрополь, 2006. – 23 с.
10. *Гурин Д. В.* Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4 (27). – С. 257–262.
11. *Есаков Г. А.* От административных правонарушений к уголовным проступкам, или О существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1 (6). – С. 37–45.

References

1. *Kruglikov L. L.* Differentiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti: sootnosheniye so smezhnymi ponyatiyami // Pravovaya paradigma. – 2017. – T. 16. – № 3. – S. 8–13.
2. *Rogova Ye. V.* Konstitutsionnyye printsipy differentsiatsii ugolovnoy otvetstvennosti // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2018. – № 6 (68). – S. 62–67.
3. *Yelinskiy A. V.* Problemy ugolovnoy prava v konstitutsionnom izmerenii. – Moskva: Yurlitinform, 2012. – 496 s.
4. *Guzeyeva O. S.* Prestupleniye i nakazaniye: konstitutsionnyye osnovy ugolovno-pravovoy kontseptsii. – Moskva: Yurlitinform, 2020. – 272 s.
5. *Dibirov M. G.* Privilegii v ugolovnom prave: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Dibirov Magomedrasul Galbatsdibirovich. – Saratov, 2015. – 26 s.
6. *Aslanyan S. G.* Obespecheniye gendernogo ravenstva posredstvom ugolovno-pravovykh norm: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Aslanyan Suren Georgiyevich. – Krasnodar, 2019. – 27 s.
7. *Tashchilin M. T.* Naznacheniye nakazaniya sudom s uchastiyem prislyazhnykh zasedateley po ugolovnomu pravu Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08 / Tashchilin Mikhail Tikhonovich. – Krasnodar, 2003. – 54 s.
8. *Andriyenko V. A.* Ravenstvo grazhdan po priznaku pola v ugolovnom prave i yego soblyudeniye pri realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya zhenshchin: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Andriyenko Vladimir Aleksandrovich. – Rostov-na-Donu, 2007. – 26 s.
9. *Pereverzev A. A.* Osnovaniya ogranicheniya konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02 / Pereverzev Andrey Aleksandrovich. – Stavropol', 2006. – 23 s.
10. *Gurin D. V.* Kontseptsiya «ugolovnoy sfery» v noveyshey praktike Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. – 2016. – № 4 (27). – S. 257–262.
11. *Yesakov G. A.* Ot administrativnykh pravonarusheniy k ugolovnym prostupkam, ili O sushchestvovanii ugolovnoy prava v «shirokom» smysle // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. – 2013. – № 1 (6). – S. 37–45.

Статья поступила в редакцию 19.03.2021; одобрена после рецензирования 28.06.2021; принята к публикации 13.09.2021.